

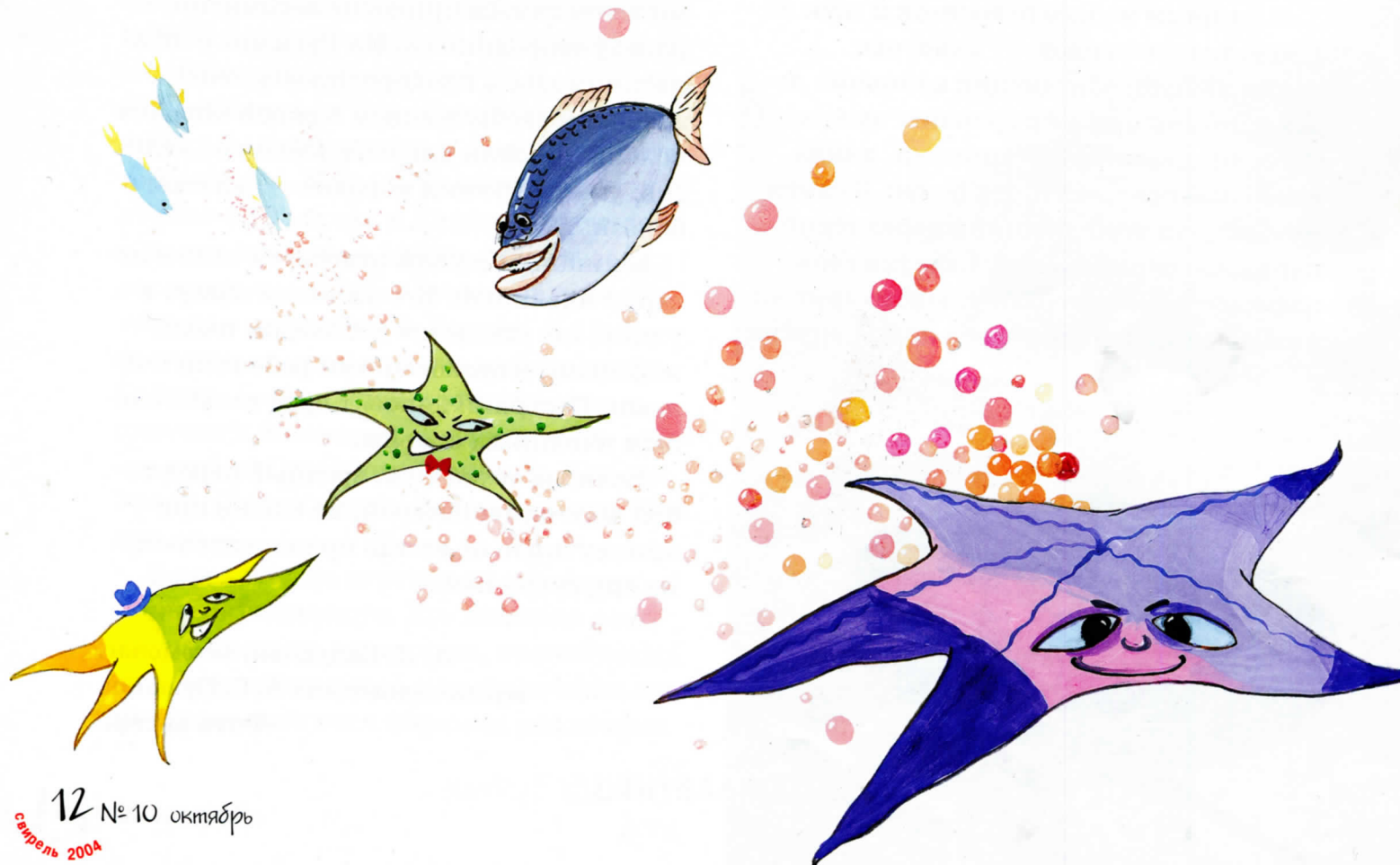
СИРОТЫ ПРИ ЖИВЫХ РОДИТЕЛЯХ

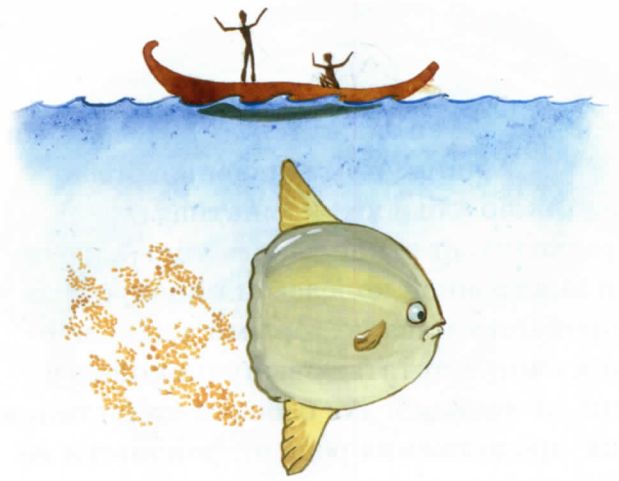
Среди братьев наших меньших наряду с заботливыми родителями немало и таких, которые с лёгким сердцем бросают своё потомство на произвол судьбы. Чаще всего, пожалуй, такая беспечность свойственна обитателям водных просторов. В дальнейшем и здесь многие существа стали более заботливыми родителями, но большинство так и не смогло избавиться от полного равнодушия к будущему своих отпрысков. У натуралистов нет никаких оснований думать, что виды, лишённые родительского инстинкта, имеют худшие перспективы, нежели те, что обладают им в большей или меньшей степени.

А объяснить это можно довольно просто. Все те существа, которым несвойственна родительская забота, обладают огромной плодовитостью. Несметное число отпрысков обречено на гибель в первые же недели своей жизни, и лишь очень

немногим удаётся уцелеть и стать в дальнейшем продолжателями рода. Что же касается тех, кому не чужд родительский инстинкт, то здесь чрезмерная плодовитость даже излишня: чем многочисленнее потомство, тем меньше шансов у заботливых родителей поставить на ноги всех своих отпрысков и тем больше вероятность того, что значительная часть детёнышей погибнет по недосмотру воспитателей.

С такими примерами натуралист сталкивается буквально на каждом шагу. Так, у большинства видов морских звёзд какая-либо забота о потомстве отсутствует: самка вымётывает яйца в воду, где они оплодотворяются несколькими самцами, подоспевшими к месту нереста. После этого яйца, брошенные на произвол судьбы, становятся лёгкой добычей рыб и других обитателей морских глубин. В противоположность этому оплодо-

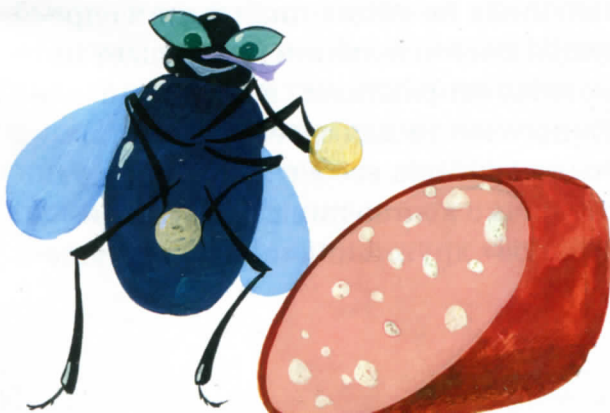
творение яиц некоторых морских звёзд, обитающих в наиболее суровых условиях полярных морей, происходит на нижней поверхности тела матери. Здесь же впоследствии выводятся крошечные звездообразные создания, не покидающие своего укрытия до тех пор, пока не почувствуют себя готовыми к самостоятельной жизни. У видов первой группы число яиц, вымётываемых самкой, достигает 200 миллионов. А у тех морских звёзд, у которых матери вынашивают детёнышей на своём теле, количество одновременно созревающих яиц в расчёте на одну самку обычно не превышает нескольких сотен.

Сотнями тысяч и миллионами исчисляется количество икринок у множества видов рыб из числа тех, кто постоянно странствуют в морских просторах, а в период размножения мечут икру в толще воды. Предоставленные воле случая оплодотворённые яйцеклетки оказываются желанной добычей разнообразных плотоядных существ и гибнут в огромных количествах. Самка обитающей в северных морях двухметровой морской щуки-

мольвы вымётывает за сезон размножения до 60 миллионов икринок. Рекорд плодовитости среди рыб принадлежит, вероятно, странному на вид созданию — гигантской луны-рыбе весом до полутора тонн, которая выглядит так, словно ей отрубили всю заднюю половину округлого туловища вместе с хвостом. В пору нереста самка луны-рыбы выбрасывает в океанические воды до 300 миллионов икринок, из которых ничтожная часть выживает и даёт начало новому поколению этих странных существ. Быть может, именно поэтому редкая встреча с луной-рыбой превращается у рыбаков Южной Африки в событие, предсказывающее, согласно их поверьям, близкую и неминуемую беду.

В отличие от беспечно разбрасывающих свою икру мольвы, луны-рыбы и подобных им обитателей вод, у тех видов рыб, которые нерестятся в заранее подготовленные гнёзда либо вынашивают икру во рту или под жаберными крышками, количество яиц, вымётываемых самкой, исчисляется уже не миллионами, а десятками и сотнями, лишь изредка превышая несколько тысяч штук.

Широко распространено в царстве животных и такое явление, которое можно назвать «заочной» заботой о потомстве. Многие насекомые оставляют отложенные ими яйца вроде бы на волю случая. Но перед этим они подыскивают такое место, где их отпрыски в момент появ-

вления на свет окажутся обеспеченными хотя бы минимумом жизненных благ. Например, обычная комнатная муха предпочитает откладывать яйца в кусочки заветренной колбасы или полуразложившегося мяса, которыми в дальнейшем смогут питаться вылупившиеся из яиц личинки. Белая бабочка-капустница для продолжения рода отправляется на поиски капустных грядок, которые впоследствии будут опустошены её гусеницами. А рыжая с чёрным узором крапивница, чтобы обеспечить пригодной пищей своих будущих отпрысков, отложит яйца не в случайном месте, а именно на листьях крапивы.

Среди насекомых поистине замечательные проявления подобного родительского инстинкта мы находим у так называемых паразитоидных видов перепончатокрылых. Особо здесь стоит отметить всевозможных наездников. Наездник агриотипус — насекомое длиной менее сантиметра — формой тела напоминает осу, а чёрным цветом покровов — крылатого муравья. Самка агриотипуса, обременённая оплодотворёнными яйца-

ми, на время превращается из летающего насекомого в пловца-подводника. Погрузившись в воду, она в течение нескольких минут отыскивает «домик» ру-

чейника, чтобы затем с помощью своего игольчатого яйцеклада отложить яичко в тело выстроившего это сооружение ручейника. Когда из яичка вылупится личинка агриотипуса, она будет поедать тело хозяина домика, пока не превратится в куколку. Перезимовав в оккупированном ею надёжном жилище, куколка преобразится весной в крылатого наездника, который всплывёт на поверхность воды и отправится в свой весенний свадебный полёт.

Такого рода «заочная» забота о потомстве, свойственная великому множеству видов насекомых, требует от будущей мамы поистине поразительной предусмотрительности. Самка наездника коллирии, собирающаяся отложить яйца, должна первым делом разыскать кладку хлебного пилильщика, который приклеивает свои яички на стебли пшеницы. Обнаружив кладку пилильщика, коллирия методически прокалывает найденные яйца своим яйцекладом, откладывая в каждое из них не более чем по одному своему яичку. Ошибки здесь быть не должно: личинка коллирии в дальнейшем будет поедать изнутри личинку пилильщика, которой предстоит вылупиться из заражённого наездником яйца. Но провизии здесь ровно столько, сколько необходимо для развития только одной юной коллирии.

Бывает и так, что на кладке пилильщика ранее побывала другая самка коллирии и отложила здесь свои яички. Обычно в таких случаях запоздавшая самка обнаруживает запах феромонов, оставленных на яйцах пилильщика предыдущей посетительницей, и решает не рисковать, отправляясь на поиски более надёжного места для своего потомства. Но если вдруг она всё же ошибётся и отложит яичко в яйцо пилильщика, уже «освоенное» другой коллирией, будуще-

го отпрыска неосмотрительного насекомого ждёт большая беда. Из яйца коллирии, отложенного первым, личинка вылупится раньше своего конкурента и сразу же предъявит счёт опоздавшей непрошенной гостье. Законная обладательница провианта вцепляется в неё своими крючковатыми челюстями и бульдожьей хваткой держит опоздавшую конкурентку до тех пор, пока та не испустит дух. Если же пострадавшей удастся ответить агрессору тем же, столкновение приводит к гибели обеих личинок.

Целесообразность поведения самки коллирии и других видов наездников поистине поразительна. Но все те чудеса предусмотрительности меркнут перед ещё более изощрёнными родительскими инстинктами некоторых других насекомых. Среди них на первое место следовало бы поставить одиночных ос. Самка изящной осы аммофилы своими мощными челюстями выкапывает посреди песчаной пустоши вертикальную норку, которая внизу расширяется и образует просторную камеру. Покончив с этим, оса замуровывает входное отверстие мелкими камешками, засыпает щели между ними песком и улетает восвояси. Спустя некоторое время насекомое возвращается, волоча в челюстях парализованную им крупную гусеницу, которая по размерам зачастую превосходит самого охотника.

Аммофила без видимого труда находит замурованное отверстие норки, распечатывает вход в неё, затаскивает туда обездвиженную, но остающуюся живой добычу и в темноте подземелья откладывает на неё крошечное белое яичко. Вновь закупорив норку так, что вход в неё не сможет найти никто, кроме самой хозяйки, оса снова улетает — теперь уже надолго. Когда из яичка вылупится личинка осы, она тут же приступит к трапезе и

очень быстро уничтожит заготовленный для неё запас провианта.

Но прежде чем личинка покончит с этим запасом провизии, вход в норку ненадолго раскроется, пропустив в подземелье луч солнечного света. Заглянув в камеру и обнаружив, что запас пищи на исходе, мамаша-аммофила отлучится ненадолго, не забыв при этом плотно «затворить за собой дверь». Вскоре оса вернётся сюда с новой гусеницей, а если личинка уже сильно подросла, то принесёт двух-трёх гусениц подряд. В итоге мамаша посещает норку до десяти раз, иногда просто проверяя состояние дел, а иногда прилетая сюда с очередным гостинцем для своего прожорливого отпрыска. Но вот наступает момент, когда заботливая мать приносит последнюю гусеницу и улетает навсегда, отдавая дальнейшую судьбу личинки в её собственные «руки».

Поведение крохотной аммофилы даже разумнее, чем повадки более высокоразвитых птиц, поскольку птица, раз за разом посещая своё гнездо с птенцами, приносит добычу независимо от того, голодны её отпрыски или сыты. Впрочем, это уже совсем другая история, к которой мы вернёмся в следующих номерах журнала, чтобы рассказать об удивительном разнообразии родительского поведения в мире животных.

Е. Н. Панов, профессор